
НЕФОРМАТ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.11

Правильная ссылка на статью:

Герасимова А. В. Об одной специфической практике: отзывы на книги в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 222—234. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.11.

For citation:

Gerasimova A. V. The process of reading in the Internet as a special way of reading. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 1. P. 222—234. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.11.

А. В. Герасимова

ОБ ОДНОЙ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ОТЗЫВЫ НА КНИГИ В ИНТЕРНЕТЕ

ОБ ОДНОЙ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ОТЗЫВЫ НА КНИГИ В ИНТЕРНЕТЕ

THE PROCESS OF READING IN THE INTERNET AS A SPECIAL WAY OF READING

ГЕРАСИМОВА Анна Владимировна — аспирант Отделения русской и славянской филологии Тартуского университета, Тарту, Эстония.

E-MAIL: gghera2001@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8423-1927

Anna V. GERASIMOVA¹ — PhD Student
E-MAIL: gghera2001@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8423-1927

---

¹ Department of Russian and Slavic Philology, University of Tartu, Tartu, Estonia

Аннотация. В статье рассматривается чтение в интернете как особый вид чтения и читательские практики, связанные с ним: написание рецензий, литературные игры. Автор рассматривает чтение в интернете в русле предыдущих исследований и выделяет новый его вид — активное хобби, сопровождаемое соревнованиями между читателями. Длительная подавляющая

Abstract. The article dwells on the process of reading in the Internet as a special way of reading and on particular practices linked to this way of reading such as writing reviews and playing with literary texts. The author focuses on the Internet reading in the tideway of previous studies and regards this type of reading as an active hobby with competitions between readers. For a relatively

легитимация единственно возможного прочтения со стороны обличенных властью была подорвана интернетом, где высказаться может каждый. И дело не в том, что раньше не было высказываний наивных читателей, но, во-первых, никогда прежде их не было так много, а во-вторых, большая часть таких высказываний была инспирирована извне исследователями или педагогами, а часто и подавлялась ими. Сейчас же мы имеем дело с высказыванием, к которому ничто не вынуждает, над которым не стоит никакая институция.

Ключевые слова: читательские отзывы, практики чтения, чтение в интернете

long time, there has been the only way of interpreting literature, the one preferred by authorities. Today, the Internet undermines this practice and everyone has the right to express their own opinion. Certainly, there were previously cases of naïve readers' opinions expressed publicly, but they were not frequent. Then, they were mostly provoked from outside by researchers or teachers and sometimes even managed by them. Now, we deal with cases when people express their opinion when nobody makes them to do it and when there is no institution regulating these opinions.

Keywords: reader's reviews, reading practices, reading on the internet

Чтобы вообще существовать, история чтения должна решительно размежеваться с историей того, что читают.

Роже Шартье

Пока филологи исследуют тексты, историю и обстоятельства их написания, читатели живут совершенно другой жизнью. Люди читают совершенно другие книги — не те, что рекламируются, и не те, что мы привыкли изучать в университете, и даже не те, что получают премии. Люди создают библиотеки из тех книг, о которых мы ничего не знаем, собираются в сообщества фанатов книги, имя автора которой заставит филолога, даже занимающегося современной литературой, недоуменно поднять бровь: а что, разве бывают русские (скандинавские, чилийские) романы?

Разрыв между информацией и эстетическим ответом на нее становится все шире (ср. [Agamben, 1970]), тексты все менее явно отражают реальность, порог вхождения в них повышается. Что в это время происходит с читателями и не пора ли нам посмотреть на чтение как на продуктивную деятельность [Humphreys, 2013], процесс взаимодействия, иногда игрового¹, читателя с текстами?

Чтобы хоть немного понять, как выглядят читательские сообщества, для начала придется обратиться не к практике, а к составляющим сообщество читателям.

Какие бывают читатели?

Описывая читательские практики в целом, имеет смысл двигаться от наименьшего владения навыком к наибольшему по всем промежуточным ступеням. Роже

¹ Об этом упоминается в статье: Герасимова А. «Гоголю советов не давал»: к методологии изучения наивного рецензента [Электронный ресурс] // Русская филология 28. Сборник работ молодых филологов. 2017. URL: <https://go.gl/bWXuxz> (дата посещения: 10.02.2018).

Шартье в статье *Laborers and Voyagers*, отчасти предвосхитившей последующие исследования чтения, в том числе и его собственные, пишет: «Основное, но грубое различие между грамотным и неграмотным не исчерпывает всех возможных различий... Существует большой разрыв между самым умелым читателем и самым неумелым — тем, кто вынужден читать вслух, чтобы понимать прочитанное, и кто справляется только с некоторыми текстовыми или печатными формами» [Chartier, González, 1992].

Взяв за основу это его наблюдение, попробуем кратко обрисовать предположительные ступени на этом пути.

Читатель может быть совсем неграмотным: в этом случае будет работать так называемая вторичная грамотность [История чтения в Западном мире..., 2008], то есть он может слушать чье-то чтение. Практика чтения вслух, распространенная в небольших общинах вплоть до середины прошлого века, сейчас в городской культуре стран с высоким уровнем развития, вероятно, осталась только в виде чтения детям.

Следующая ступень — читатель, умеющий разбирать небольшие текстовые формы (чаще всего не книжные — это могут быть объявления, заголовки, вывески). Далее — умеющий читать знакомые/несложные тексты. Далее — умеющий читать книги (навык письма при этом необязателен, хотя в современных условиях письмо и чтение практически объединены²):

- умеющий читать сложные тексты и владеющий навыком письма (однако навык существует не в свободной форме, в основном для создания текстов по образцу — официальных заявлений, писем и проч.);
- умеющий писать еще и отзывы на тексты (осмыслять, интерпретировать и т. д.).

Так или иначе этот путь проходит любой, кто учится читать, разница лишь в том, на каком этапе он остановится. Однако чтению как навыку тоже было свойственно меняться диахронически.

Как отмечал Роже Шартье, «новые читатели читают иначе, чем их предшественники» [Chartier, González, 1992]. Сама книга, по его мнению, меняется, когда меняются способы ее читать — начиная от того, как исчезает обязательное устное проговаривание текста — к чтению вполголоса (*demi-voix*) и, наконец, исключительно визуальному чтению.

Филогенез, однако, повторяется в онтогенезе: дети, учащиеся читать, как правило, сначала читают вслух. Но даже и те, кто владеет навыком, в условиях, требующих повышенного напряжения (внешние шумы, текст на иностранном языке, высокая ситуативная важность информации) будут артикулировать прочитанное с той или иной степенью отчетливости, от беззвучной артикуляции до буквального чтения вслух³.

Нас интересует последний из перечисленных типов читателя. Помимо того, что в массовой форме он — порождение последних ста лет, наблюдения за полем

² Ср. с биографиями крестьян коммуны «Майское утро» — большинство умеет подписываться и считать, но навыком чтения владеют слабо и т. д.

³ Интервью, в котором мы задавали такой вопрос, эту гипотезу подтверждают. Это также легко заметить в аэропортах: люди, стоящие у табло, часто произносят вслух направление рейса, время и номер выхода.

показывают, что условия его практик довольно однородны⁴. Но сами практики меняются: например, широко стали распространены аудиокниги — в отличие от прежних времен, когда это почти однозначно была опция для детей, не умеющих читать. Это — пример изменения практики во времени, есть примеры изменений и в пространстве: в российских городах, за исключением Москвы и Петербурга, редко принято читать в транспорте, эта практика маркируется как непривычная — не только условиями осуществления (малые расстояния, неудобный транспорт), но и самими субъектами.

Читательская ситуация, условия чтения, приемлемость той или иной практики также очевидным образом будут интересовать нас при изучении чтения. Исследователи из Уральского федерального университета [Назарова, Спиридонов, 2012] обозначили совокупность таких условий в сочетании с функциональной спецификой литературного жанра (авторы пишут о «массовой» и «интеллектуальной» литературе) как «стратегию чтения». Иными словами, функции чтения в сочетании с условиями чтения порождают, по мнению исследователей, стратегию чтения.

Условия чтения включают не только пространство, но и время чтения, и здесь наши наблюдения неожиданно совпадают с отмеченным Дженис Рэдзэй стремлением женщин читать потому, что «это время только для меня»⁵. Чтение по-прежнему осмысляется как практика, для которой необходимо и желательно выделять некоторое особое время. В нашем распоряжении оказалось описание такого случая: одна из активных пользовательниц сети LiveLib очень хотела прочесть роман Донны Тартт «Щегол». Книга эта объемная, женщина не хотела читать ее урывками или делить на части, но семейные дела и маленькие дети этому мешали. Так что она откладывала чтение несколько месяцев, чтобы иметь возможность уехать одной на дачу в выходные и там спокойно предаться любимому занятию⁶. Это, конечно, крайнее выражение концепции «отдельного времени», но за любым крайним выражением стоит спектр явлений, направленных в сторону этого крайнего выражения.

Разница, как мы видим, существует не только между читателями, но и между формами чтения, конвенциями чтения для каждого конкретного сообщества, между ожиданиями и интересами разных читательских групп, наконец. Эти факторы управляют практикой чтения, и, соответственно, читатели, принадлежащие к разным группам, будут читать один и тот же текст по-разному.

Что читатели любят и чего не любят

Рассматриваемые нами читатели читают в том числе для того, чтобы написать рецензию и/или обсудить прочитанную книгу. Для этого они обращаются к некоторому ресурсу в интернете. Это может быть сайт, посвященный отзывам вообще (отзывы на книги — не редкость на сайтах потребительских отзывов, причем это

⁴ Личное сообщение одного из представителей администрации сети LiveLib: читатели однозначно предпочитают бумажные книги, более того, сама система отталкивается от идеи бумажного издания: например, каталог делит книги не по авторам и названиям (т. е. по сути книги), а по отдельным изданиям.

⁵ Исследование проводилось на малой группе женщин.

⁶ Также из личных сообщений: когда вышла последняя книга «Гарри Поттера», одна читательница, заполучив книгу, уехала на дачу, отключив телефон, чтобы иметь возможность воспринять книгу непредвзято и спокойно, без ажиотажа вокруг, без обсуждений в интернете и так далее.

не всегда реклама — можно увидеть отзывы на Тургенева, Толстого), сетевая библиотека, сервис рекомендаций (goodreads.com), сервис продажи электронных копий, социальная сеть читателей⁷. По сути, такого рода практика находится между отзывами о товарах или потребительском опыте и комментариями к общественным событиям. Книга по-прежнему остается предметом потребления, поэтому в отзывах (кроме сетевых библиотек, где читатели имеют дело с чистым текстом⁸) могут описывать и само издание, вплоть до качества бумаги и переплета: «Текст Гомбриха, конечно, хорош, но не сказала бы, что это удачное издание. При первом же раскрытии книжный блок с хрустом отделился от корешка в нижней своей части, держится теперь только на форзаце и первом листе... Если бы купила эту книгу не по акции с 20% скидкой, а за полную цену — расстроилась бы больше»⁹.

На наш взгляд, потребительский опыт неожиданно отражается и в том, что в рецензии на книги включают фотографии, часто с претензией на художественность. То есть даже в условиях интернет-общения речь может идти о передаче некоторого физического, телесного опыта¹⁰. Возможно, как утверждает Мартина Бортиньон, во взаимодействии с устройством для чтения нам не хватает именно физического контакта: «...в устройстве, на котором читают, нельзя ни подчеркивать, ни писать заметки на полях; его нельзя заложить листком или автобусным билетом в качестве закладки; его нельзя порвать, швырнуть, заляпать соусом, забыть под дождем»¹¹ [Bortignon, 2013].

Тяготение к полюсу подробного потребительского отзыва или к полюсу комментария к событию, по нашим наблюдениям, сильно зависит от поля, в котором пишутся отзывы: специально созданная для читателей социальная сеть LiveLib позволяет иметь рейтинг, участвовать в групповой деятельности, украшать отзывы фотографиями. С другой стороны, функционал сетевых библиотек чаще всего не позволяет иной персонализации, кроме имени пользователя, и содержит только форму ввода текста, даже без тегов. Соответственно, такой подход, когда отзыв — лишь побочная по отношению к чтению деятельность, склоняет читателя высказываться кратко и в известной мере спонтанно. Отзывы на более приспособленных платформах, напротив, долго готовятся и являются по сути самостоятельной, почти отдельной от чтения практикой.

Поскольку мы имеем дело фактически с двумя разными практиками (чтение книг и написание отзывов), совмещение этих двух практик будет, вероятно, менять цели и стратегии чтения. В частности, желание читать будет, вероятно, не менее

⁷ Раньше в этот список можно было добавить блог-платформы и форумы, но они все же не были настроены исключительно на рецензентскую деятельность. Некоторым аналогом можно считать сообщества вроде chto-chitat.livejournal.com, но сама платформа потеряла популярность.

⁸ И все равно можно встретить сетования на ошибки, опечатки, плохо вычитанный распознанный текст.

⁹ Отзывы и рецензии о книге История искусства [Электронный ресурс] // Ozon.ru. URL: <https://www.ozon.ru/reviews/20355413/> (дата посещения: 10.02.2018).

¹⁰ Возможен и такой вариант: читатель читает электронный текст, а лишь потом, «для библиотеки» или «для коллекции» покупает бумажное издание (иногда это зависит от того, насколько книга понравилась — в наших наблюдениях есть случаи, когда бумажную книгу покупали, если «хочется перечитать в третий раз»). При этом бумажная копия может и вовсе не использоваться для чтения.

¹¹ Ср. также устойчивое выражение «[иметь] в бумаге» — как «во плоти», иметь на физически осязаемом и потому более ценном носителе.

сильным, чем желание оставить отзыв о книге, то есть возможность коммуникации с сообществом будет несколько превалировать над собственно чтением.

Дополнительное преимущество нахождения в такой системе состоит в следующем. В частной беседе мы получили такое мнение: человек, на постоянной основе развлекающий себя чтением, рано или поздно понимает, что интересных книг больше, чем он может прочесть за всю жизнь. Поэтому потратить время на книгу, которая окажется в конце концов дурной, — подлинный «кошмар книгочехя»¹². Для этого в системе Livelib существует встроенный рекомендательный сервис, который подбирает книги по предпочтениям пользователя.

На некоторых площадках отзывы пользователя аккумулируются на одной странице, представляя тем самым что-то вроде опосредованного дневника. Таким образом, для читателя, который хотел бы коммуникации, но не стремится писать о себе, такой опосредованный вариант может служить формой самопрезентации.

Это интересно сравнить с попытками в 1920-е годы ввести в библиотеках читательские дневники. Но, во-первых, как уже говорилось выше, практика ведения читательских дневников — это практика, навязываемая институцией. Во-вторых, дневники должны были служить не для удовольствия читателей, а для удобства работы с ними, для проверки того, как читатели развиваются. Словом, их целью была не коммуникация, а воспитание.

Однако и современные, и прежние читатели выдвигают к книге (опосредованно — через отзывы) схожие требования. До известной степени (но не до полного тождества) эти требования совпадают с выделенными Евгением Добренко в книге «Формовка советского читателя»: книга должна содержать полезные для жизни рекомендации¹³, литература должна быть оптимистичной, герой должен быть «как в жизни», сюжет должен развиваться последовательно, должен быть занимательным, «с приключениями», книга должна быть написана понятным языком, «похабщину» печатать нельзя [Добренко, 1997].

Пример таких совпадений можно представить в таблице 1.

¹² ПДА, 04.08.2017, м., 1982.

¹³ Ср. с тем, что в исследованиях чтения 1920-х годов две трети корпуса предлагаемых текстов занимала научно-популярная и пропагандистская литература. Исходя из этого, требования читателей неудивительны.

Таблица 1. **Отзывы читателей 1920-х гг. и 2000-х гг. о книгах**

Требования по Добренко	Читатель 1920-х годов	Современный читатель
Книга должна быть познавательной и полезной (должна содержать практически полезные «для жизни» рекомендации).	«Полезная. Помещено объяснение непонятных слов и азбука Морзе» (М., 20 л.) — о книге Владимирского «Шахта изумруд»; «Полезная. Учат правильно жить женщину» (Ж., 18 л.) — о книге М. Горького «Мать»; «Полезная. Учат, до чего доводит водка» (Ж., 22 г.) — о книге А. Неверова «Авдотина жизнь»; «Полезная. Показывает, что деревня страдает от своей темноты» (Ж., 22 г.) — о книге А. Неверова «Авдрон Непутевый».	«Мне очень трудно разобраться с мотивацией автора. Зачем он это писал, для кого. Говорят, живет же он у себя в Казани, еще книги пишет. И мне тут интересна не целевая аудитория, а вот то, что происходит в голове у автора в этот момент. Потому что лично меня эта книга не поразила, не обрадовала, не возбудила, не сподвигла ни на что, не заставила меня грустить, не дала мне никаких новых мыслей и идей, не дала мне ничего ценного. Вот. Не дала мне никаких новых мыслей и идей, не дала мне ничего ценного. А значит, совершенно бесполезна для меня». «Россия многонациональна. Этот постулат в последнее время звучит все чаще. Но кто что знает о жизни, быте, обычаях малых народностей? Меря — знакомое слово. Но как они живут, чем дышат? Осокин рассказывает об этом. Интересно, эмоционально, познавательно. И очень жаль, что книг о малых народах России откровенно мало. Нужно знать тех, кто живет в России, знать свою страну. Ведь это — Родина». «То есть даже с этнографической точки зрения ваша книга бесполезна и никакой информации о подлинных обрядах этих народов не несет, там только вами выдуманное собственное язычество? — перефразировал Известный Психотерапевт. — Ну да, — растерялся от такого уточнения Автор».
Литература должна быть оптимистичной.	«Нужно не прошлое, такое обыденное и серенькое, а нужно, чтобы литература диктовала здоровую и красивую, нравственно-красивую жизнь» (рабочая, 23 г. — о «Цементе» Ф. Гладкова).	«Может, потому, что я люблю убежать в тексты, а этот текст выплескивает меня в быт?.. Может, потому, что у Осокина оживают страшные вещи и страшно овеществляются люди?.. Может, потому, что в этих драных джинсах рассказах я вижу не особый авторский стиль, а неряшливость и бессмысленность?.. Доктор, что со мной не так?!»
Герой должен быть «как в жизни».	«Все верно описано, я сама из деревни и могу сказать, что все рассказано точно, как оно и на самом деле бывает»; «Кто так хорошо подслушал, да написал, ну точно, как в жизни было!»; «Как прочтут в деревне, скажут — небылица в лицах»; «А в какой местности это было?»; «Поверили бы, если бы было указано, где, в какой губернии, в каком уезде это было, а так получается это не факт, а одна коммунистическая мысль» (крестьяне о «Бабьей деревне» А. Серафимовича).	«И в некотором смысле Осокин профессионально занимается именно этим: пишет для телевидения сценарии документальных фильмов о жизни обыкновениях народов Поволжья — коми, марийцев, чувашей, удмуртов, татар. Он знает эту жизнь в подробностях, любит ее, чувствует — и ему совершенно чужда мысль, что она в чем-то уступает жизни «цивилизованной». Скорее, напротив. Все это, правда, — не более, чем материал, который автор использует и толкует по собственному усмотрению и произволу. У него свои техники работы с этой жизнью». «Все эти сюжетики, небольшие истории, образы. Юму они, для чего? Для атмосферы? Не знаю, кому конкретно нужна такая атмосфера. Если она точно такая же, как и твоя собственная, жизненная, но там вместо твоих любимых яблок — квашеная капуста с клюквой».

Требования по Добренко	Читатель 1920-х годов	Современный читатель
<p>Сюжет должен развиваться последовательно. (Повествование должно быть простым).</p>	<p>«Книга идет с отрывистыми темами, что не понять, где начало, где конец» (М., 20 л.) — о «Пожаре» Д. Фурманова; «Ничего не понять, дрянь. Все перепутано» (М., 17 л.) — о «Голом годе» Б. Пильняка; «Ничего цельного и определенного, — не понял: какой-то винегрет»; «Все описываемое в этой книге происходит отрывками, с появлением все новых и новых действующих лиц и частым повторением уже сказанного, с какими-то несуразными заголовками... Все содержание этой книги представляет какой-то идейный хаос... я не понимаю, для чего книга кончается описанием деревенской свадьбы, а также я скажу, что трудно понять, где начало, где конец. В общей скажу одно, что книга читается тяжело и понять ее трудно» (рабочие о «Голом годе» Б. Пильняка) «Читая эту книгу, я равным счетом ничего не понял, а потом и оставил ее» (рабочий о Б. Пильняке); «У него много непонятных рассказов, которые нужно подразумевать... Ничего не мог понять»; «Рассказы слишком символические, которые едва ли будут понятны широким массам» (рабочие о рассказах Е. Зозули); «Автор эту повесть сочинил больно сложно. Сильно хорошего в ней нет» (рабочий об А. Аросеве).</p>	<p>«И в итоге я ничего не могу сказать, потому что устал, утомился, хоть и было интересно, но как-то слишком много. И слишком сюрреалистично». «Ну утопите меня в сухой реке, я не вижу гениальности в приниженности букв и наборе слов. Не вижу гениальности — вижу лень и неряшливость. Что передает, чему служит такая особенность?... Скорой смене кадров, стремительности, интонации особенной? Равенству перед жизнью и смертью? Не вижу философии... не вижу работы над словом, меткости «каждое словечко на своем месте», не вижу глубоких смыслов в этой смене кадров. Признался Осокин: «эта книга напишется за два часа» — вот этому вот верю...» «Жизнь есть жизнь. Текст есть текст. Они не идентичны. Не принимаю. В жизни может не быть смысла. В тексте должен быть, даже скрытый, даже завуалированный». «Пытаясь понять рассказы Осокина с точки зрения логики, пытаюсь найти сюжетность текстов, я потерпела фиаско. Назвать его рассказы абсурдом тоже не получается, слишком они цепляли. В чем же смысл странных книг автора?»</p>
<p>Сюжет должен быть «занимательным», «с приключениями».</p>	<p>«На меня эта книга не произвела никакого впечатления, потому что в этой книге пишутся одни страдания тех оставшихся людей, у которых были убиты на войне родные. И вся книга в таком роде. Все однообразно. Более какого-нибудь происшествия нет. А потому меня этот автор не интересует» — рабочий о книге Л. Франка «Человек добр».</p>	<p>«Где же сюжет — не знаю. мирон алексеевич распоряжение дал видимо — сюжет не придумывать особо. так-то если посмотреть — типичные читатели хотят какой-нибудь последовательности. если и это неважно — садим в мерседес-геленваген. поедем дальше». «Читая эти затянутые истории без сюжета, чувствуешь себя случайным попутчиком не в меру разговорчивого путешественника, который мучает тебя долгими и бессмысленными историями без сюжета о нем и каких-то тебе неизвестных людях».</p>
<p>Книга должна быть написана «понятным языком».</p>	<p>«Хороша книга тем, что она изложена простым, не слишком литературным языком» (рабочий о романе Э. Синклера «100 %»); «Язык тяжелый, а книга интересная и жизненная» (крестьянин, 19 л. — о «Конармии» И. Бабеля); «Даже не прочитаешь — язык не идет» (крестьянин, 18 л. — о «Раднице» С. Есенина); «Не хорошая книга. Какой-то смешной язык. Никак не разберешь» (крестьянка, 17 л. — о «Бронепоезде» Вс. Иванова); «Непонятно написано, скучная. Название больно забористое и совсем иначе можно понять» (крестьянин, 21 г. — о «Хулио Хуренито» И. Эренбурга); «Надо бить авторов, которые делают новую грамматику»; «Прочитал книжку «Старинушка» И. Касаткина. С трудом понял, так как чуть ли не после каждого слова точки, запятые, знаки вопросов. С трудом выговариваются слова. Много их с прикрасами, с ласкательными окончаниями. Это трудно прочитывать и выговаривать... На первых страницах надо стараться писать завлекательно, чтобы читатель не оторвался, начиная читать»; «Писать нужно легким языком, понятным, популярным, для того, чтобы читатель мог понять то, что пишет писатель».</p>	<p>«Вот опять же ребус, кроссворд © судьба в фуражке? или рыба в фуражке помощника капитана? или рыбу ловят в фуражке — за неимением реки, ручейка, океана?» «Денис Осокин задумал стать писателем. правду сказать, стать писателем ему очень-очень хотелось: книжки он любил, да и за сочинения в школе всегда получал хорошие отметки, для начала денис осокин решил отказаться от заглавных букв. так все поймут, что он писатель со своим особым видением мира, а не какое-нибудь там быдло. еще он полюбил знак препинания «тире», рассыпать побольше тире по тексту — и сразу видно — как он — на глазах — приобретает — литературность — и глубину. как следует изучил современные литературные журналы. и заготовил с полдюжины псевдонимов разной степени нелепости — на случай, если в писатели не возьмут и придется лезть в литературу окольными путями».</p>

Требования по Добренко	Читатель 1920-х годов	Современный читатель
Нельзя печатать «похабшину»	<p>«Зачем это только Горький насильников описал. А так бы хорошо» (крестьянин, 18 л.— о рассказе «26 и одна» М. Горького);</p> <p>«Много написано порнографии. Не понравилось» (крестьянка, 22 г.);</p> <p>«Не понравилось. Описывается блуд» (крестьянин, 18 л.);</p> <p>«Стыдно такие книги читать, печатать и в библиотеку покупать» (крестьянин, 18 л.);</p> <p>«Не понравилась. Вторая часть еще гаже первой. Дает вредные советы» (крестьянин, 18 л.— о книге Калининкова «Моши»);</p> <p>«Неприличная книга. Срам. Не понравилась» (крестьянка, 21 г.);</p> <p>«Не хорошо. Не понравилось. Любится так по-собачьему приятно, но одного этого мало» (крестьянка, 18 л.— о книге П. Романова «Без черемухи»);</p> <p>«Гулящая баба. Не нравится книжка» (крестьянка, 22 г.);</p> <p>«Не понравилась. Шлюха-баба. Зачем размазали ее в книге» (крестьянин, 17 л.);</p> <p>«Очень хорошая книга. Такие женщины нравятся. Только нельзя быть в блуде. Это не для чего» (крестьянка, 18 л.— о «Виринее» Л. Сейфуллиной).</p>	<p>«Промискуитета много, но и он такой нестрасный, негрязный, тихий и домашний».</p> <p>«Что же касается, хм... эротической составляющей книги, частенько она, на мой взгляд, оказывалась не к месту, портила впечатление от книги. в то же время, в других зарисовках и рассказах без нее бы никак (например, «овсянки», «половая связь еужена львовского с зеркалом» — естественно»).</p> <p>«Я хотела все той же нежно-северной атмосферы, романтической и грустной, а он мне «приоткрыл ноги — поцеловал в намытую середину». Как-то — вдруг и иногда — пошлости, грубости, что-то совершенно не вяжущее с тем, что я себе напредставляла, несмешные шутки. Я думала, ну может пройдет, ну с кем не бывает».</p>

Читатели в пространстве сети

В советские времена на последней полосе, рядом с выходными сведениями часто печатался призыв: присылайте ваши отзывы по такому-то адресу, особенно это касалось детских книг. То есть существовала формальная возможность написать в издательство о прочитанной книге, поделиться замечаниями и предложениями. У нас нет сведений, пользовался ли ей кто-либо, но, вероятнее всего, таких людей было немного, несмотря на то, что интенция состояла в том, чтобы изменить книгоиздание к лучшему, обращаясь к институции непосредственно. Сейчас же, в условиях свободного высказывания, вне ока институции такая возможность востребована и популярна, хотя возможность повлиять на что-то куда меньше. Отчего это так?

На наш взгляд, это интересно соотносится с идеей Мишеля де Серто о том, что чтение и письмо в обществе разъединены как производство и потребление. Облеченные властью страты (сильные) узурпируют письмо как практику производства (и толкования текстов), оставляя необлеченным властью только чтение (=потребление). Слабые вынуждены, с одной стороны, подчиняться диктату сильных, тех, кто устанавливает правила (в этом случае — правила интерпретации текстов), и пользоваться только навыком чтения (=потребления). С другой же стороны, слабые, не имея возможности сопротивляться, творчески перетолковывают эти правила в свою пользу, искажают и пародируют язык власти, становясь в процессе производителями, а не потребителями. Таким образом, написание отзывов, то есть письмо, становится своего рода низовой конституирующей практикой. «[Читатель], — пишет де Серто, — отделился от книг, тенью которых он казался» [Серто, 2013].

Длительная подавляющая легитимация единственно возможного прочтения со стороны облеченных властью была подорвана интернетом, где высказаться может каждый. Не то чтобы раньше мы не имели возможности видеть высказы-

вания наивных читателей, но, во-первых, никогда прежде их не было так много, а во-вторых, большая часть таких высказываний была инспирирована извне исследователями или педагогами, а часто и управлялась ими. Сейчас же мы имеем дело с высказыванием, к которому ничто не вынуждает, над которым не стоит никакая институция.

Один из администраторов сети LiveLib¹⁴ предположил, что модель поведения среднестатистического пользователя сети такова: *«Школьная программа¹⁵, затем условная Дарья Донцова, затем зацепился за западную литературу и там и остался»*. Здесь нужно отметить, что тем самым подразумевается, что читатель осведомлен: кроме тех книг, что он читает сейчас, есть еще какая-то, более крупная или сложная литература. Чтение Дэна Брауна автоматически не приводит к чтению Кадзуо Исигуро.

«Но со временем вкусовые пристрастия выкристаллизовываются более четко и так вышло, что переводная литература у «многочитающих» людей со временем теснит отечественную».

В поддержку частного мнения администратора говорит и тот факт, что в рейтингах сайта (в частности, «Топ-100 за все время», о чем ниже) преобладает зарубежная литература.

Портрет среднестатистического читателя из этой сети — женщина около 30 лет, в среднем читающая переводные книги, скорее про современность, с продолжением и не фэнтези.

Практики вокруг чтения

Помимо очевидной активности — чтения — на LiveLib существуют и другие практики. На двух из них остановимся подробнее. Первая — это ежегодная премия «Выбор читателей», определяющаяся голосованием пользователей. На то время, когда пишется эта статья, голосование за 2017 г. еще не закончено¹⁶, но уже определены финалисты, по десять в каждой номинации: современная зарубежная литература, современная русская литература, книги для подростков, детективы, нехудожественная литература¹⁷, биографии и мемуары, фантастика, фэнтези (это две разные номинации), ужасы и мистика, боевики и остросюжетная литература, «просто о главном»¹⁸, любовные романы, приключения, детская литература, «кино и книги», бизнес-книги, номинанты прошлого, номинанты будущего и игры на LiveLib. В голосовании могут участвовать книги, вышедшие не позднее декабря предшествующего голосованию года.

Отдельно заметим, что шорт-листы крупнейших российских премий («Нацбест», «Большая книга», «Русский Букер», «Ясная Поляна» с финалистами LiveLib почти никак не пересекаются: единственное совпадение — «Город Брежнев», попавший в короткий список «Большой книги»).

¹⁴ (ПДА: интервью от 04.08.2017 (м., 32, в/о, Москва).

¹⁵ По-видимому, рекреационное чтение до определенного возраста попросту непопулярно.

¹⁶ С финалистами прошлого года можно познакомиться здесь: Лучшие книги 2016 года [Электронный ресурс] // LiveLib.ru. URL: <https://www.livelib.ru/bestbooks/superfinal/2016> (дата посещения: 10.02.2018).

¹⁷ Как видно из дальнейшей классификации, в основном имеется в виду научно-популярная литература.

¹⁸ Впрочем, судя по наполнению рубрики, это просто продвижение нового молодого автора.

В этой премии также есть спецноминации, одна из которых для нас особенно интересна: «Самая недочитываемая книга». Как ни странно, в ней оказывается много книг-финалистов «Выбора читателей», в этом году, например, «Тобол» Алексея Иванова, «Жена зрителя зоопарка» Дианы Акерман и «Тайная история Твин-Пикс» Марка Фроста. Причина тому проста: чем больше человек начинает читать книгу, тем больше будет и тех, кто ее не дочитает.

На LiveLib также есть и «Топ-100» книг на все времена, по сообщениям, почти неизменный или по крайней мере малоподвижный долгое время.

Два этих направления демонстрируют нам, что в современном чтении есть, с одной стороны постоянно меняющаяся составляющая новых книг, с другой стороны, свой собственный почти незыблемый канон. Первая составляющая, где книги постоянно прибавляются, становится как раз тем самым упомянутым выше «кошмаром книгочая» — невозможно прочесть все, что выходит, и невозможно прочесть даже все, что нравится. Это, а также специфическое отношение к чтению как к активной и, более того, измеряемой количественно деятельности (иначе не было бы, например, обязательств прочитать определенное количество книг за год) приводит к появлению дополнительных практик, помимо чтения и написания рецензий — к книжным играм.

Большинство игр сводятся к тому, что пользователь должен прочесть некоторое количество книг на определенных условиях или за определенное время, то есть побуждают читать больше (и расширять диапазон приемлемости — за счет неожиданных требований к книгам в игре). То есть игры исполняют роль внешнего мотиватора для читателя.

Подобных игр много, читатели делят их на игры-лотереи, игры со свободным выбором, игры-рецензии и командные игры. У игр, как правило, есть кураторы из числа пользователей, которые ведают назначением заданий и решают внутриигровые споры. Первая часть в основном состоит из игр, где пользователь обязуется прочитать за определенное время некоторое количество конкретных книг, либо книг на обозначенную тематику, темы или книги могут выбираться случайно или сложным образом разыгрываться. На какую-то часть прочитанных книг, естественно, пишут рецензии, но такого обязательства в правилах нет. Интересно, что часто, как и в следующей категории, книги обозначаются по внешнему формальному признаку, например, «книга с цветами на обложке» или «книга толще 500 страниц». Разумеется, за прочитанные книги игрок получает какие-то условные награды.

Игры со свободным выбором представляют собой, по сути, движение по условной игровой карте (более или менее интерактивной — варьироваться может от «змей-лестниц» до карты с покемонами), где в качестве заданий выступает чтение книг по определенной теме, иногда предваряющееся простым заданием вроде загадки. Простой пример: в первом туре игры «Вокруг света с... литературным персонажем» персонажем тура был Филеас Фогг, остановившийся в своем путешествии в 13 точках. По этим точкам движется читатель и читает о них книги. Интересно при этом, что, по-видимому, двухмерная, плоская карта игры и располагающиеся на ней задания книги как бы утверждают в сознании читателя идею того, что все эти книги полностью равнозначны и равноценны, поскольку являются объектами, принадлежащими одному полю.

Нас больше всего интересуют игры-рецензии. Таких три: «Спаси книгу — напиши рецензию» (правила требуют писать рецензии на книги, у которых на сайте нет ни одной рецензии), «Несказанные речи» (рецензии на книги, прочитанные когда-то давно) и «Урок литературоведения» (рецензии на литературоведческие книги). Правило о рецензиях также есть в игре «Книгомарафон», где специальные кураторы игр ежемесячно выдают участникам тему, на которую они должны прочесть книгу или книги. В этой игре также есть конкурс рецензий. Рецензии пишут и в рамках командной игры «Долгая прогулка», где команде из четырех человек ежемесячно выдаются основные и дополнительные задания, команда читает книги и пишет на них рецензии. Сами пользователи утверждают, что в этой игре попадаются наиболее сложные книги.

Игры мобилизуют читателей, и это нравится им. В частности, одна читательница в ролике-обзоре книжных игр говорит: «Если вы все еще задаетесь вопросом, стоит ли играть в книжные игры, я вам скажу вот что. В этом году я прочитала в два раза больше книг, чем в предыдущем, не в последнюю очередь потому, что я активно участвовала в различных книжных играх, в частности, в «Покемонах»¹⁹, соответственно, какие-то сроки или цели в этих играх — они ускоряли мой темп чтения, я находила (*подчеркивает голосом — А.Г.*) время почитать побольше, чтобы успеть к тому или иному моменту...»²⁰

Если следовать за Мишелем де Серто, который берет эту идею у Ролана Барта, есть три вида чтения: эротическое, охотничье и инициационное. Первое останавливается на удовольствии, доставляемом словами, второе спешит к концу и «изнемогает от ожидания», третье побуждает желание писать [Серто, 2013]. Здесь мы видим, как социальная активность, связанная в том числе с обязательствами не одному себе, но и другим, подпитывает исключительно охотничье чтение. Эти три типа чтения, с чем де Серто был согласен, зависят не от читаемой книги, а более от индивидуума, от его стратегии чтения, конкретных условий и применяемых практик. И при взгляде на социальную сеть читателей перед нами в полный рост встает описанная де Серто фигура читателя-браконьера.

Список литературы (References)

История чтения в Западном мире от античности до наших дней / Кавалло Г., Шартье Р. (ред.-сост.). М. : ФАИР, 2008.

The history of reading in the Western world from antiquity to our days (2008)/ Cavallo G., Shartier R. (Ed., Ed.). Moscow: FAIR. (in Russ.)

Серто М. де. *Изобретение повседневности*. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Serto M. de. (2013) *The invention of everyday life*. St. Petersburg: Publisher of the European University in St. Petersburg. (in Russ.)

¹⁹ Читательница имеет в виду игру «Собери их всех» с интерактивной картой, где пользователи перемещаются самостоятельно и ловят покемонов.

²⁰ Путеводитель по Книжным Играм. С чего начать? [Электронный ресурс] // Youtube.com. URL: <https://youtu.be/oil8tGsgeZY> (дата посещения: 10.02.2018).

Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб. : Академический проект, 1997.

Dobrenko E. (1997) *Formovka Soviet reader: social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature.* SPb. : Academic Project. (in Russ.)

Назарова Л. А., Спиридонов Д. В. Изучение текстов массовой литературы: функционально-рецептивный подход // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 286—294.

Nazarova L. A., Spiridonov D. V. (2012) The study of texts of mass literature: the functionally receptive approach. *News of the Ural Federal University. Ser. 2. The humanities.* No. 4 (108). P. 286—294. (in Russ.)

Agamben G. (1970) *L'Uomo senza contenuto.* Quodlibet.

Humphreys S. (2013) Towards an Anthropology of Reading. In: *Modernity's Classics.* Humphreys, Sarah C., Wagner, Rudolf G (Eds.). Springer. P. 187—210.

Bortignon M. (2013) Lector in iperfabula: fenomenologia della lettura di opere multimedia. *Innesti/Crossroads XL: Il lettore in gioco. Finestre sul mondo della lettura.* P. 61—67.

Chartier R., González J. A. (1992) Laborers and Voyagers: from the text to the reader. *Diacritics.* Vol. 22. No. 2. (Summer). <http://doi.org/10.2307/465279>.